

✦ Профессиональное кредо

О ЧЕМ ОН МЕЧТАЛ (Интервью Ю.М. Резника с проф. В.П. Култыгиным, осень 1999 г.)

Уважаемые коллеги! Представляю Вашему вниманию интервью с профессором Владимиром Павловичем Култыгиным, которое состоялось осенью 1999 г. К сожалению, Владимира Павловича уже нет с нами. И запись интервью, данного им свыше 11 лет назад, оказалась потерянной.

Только в прошлом году мы обнаружили его материалы в архиве редакции. Исполняя свой долг перед этим замечательным человеком и ученым, мы спешим донести до читателей размышления, которыми он поделился с шеф-редактором нашего журнала профессором Ю.М. Резником. Интервью состоялось в Институте социальной инженерии Московского государственного университета дизайна и технологии. Его участники – студенты и преподаватели института – не только с огромным вниманием слушали его сокровенные слова, но и имели возможность задать свои вопросы.

В.П. Култыгин – известный социолог, специалист по истории социологии и современной социальной теории. С момента основания журнала (апрель 1999 г.) и до его смерти он был членом редколлегии журнала «Личность. Культура. Общество». Мы выражаем самую искреннюю благодарность и признательность Владимиру Павловичу, который поддерживал журнал в очень трудные времена и был неизменным советником главного редактора.

Уважаемые читатели! Возможно, кому-то высказывания участников интервью покажутся сегодня наивными. Но мы постарались сохранить первоначальный текст без каких-либо серьезных изменений, чтобы передать атмосферу конца 1990-х гг., которая сложилась в студенческих и научных аудиториях «времени перемен».

Владимир Павлович мечтал о том, когда отечественная социология преодолеет период ученичества, разброда, шатаний и обретет новое, достойное ее великих предшественников лицо в лоне мировой науки. Он также мечтал о здоровой, в профессиональном смысле, научной смене и многое сделал для своих студентов и учеников, заслужив их вечную благодарность и добрую память.

От имени редакции журнала Ю.М. Резник

Юрий Михайлович Резник: Владимир Павлович! Мы собрали здесь преподавателей и студенческий актив. Все хотят узнать о Вас побольше. Давайте посоветуемся с Вами, как построить нашу работу. У нас есть к Вам список вопросов, которые мы хотели бы Вам задать. Может быть, начнем сразу с ответов на них?

Владимир Павлович Култыгин: Хорошо. У вас есть собственный интерес, и я постараюсь в первую очередь удовлетворить вашу любознательность.

О прошлом с любовью

Ю.М.: Расскажите, пожалуйста, о самом начале своего жизненного пути. Где Вы учились? Когда появился у Вас интерес к анализу социальных проблем?

В.П.: Да, конечно. Но я начну тогда не с того, как я стал ученым, а с того, почему я вообще заинтересовался социологией, как это все произошло. Дело в том, что, когда я еще учился в школе, на моих глазах происходил ряд эпохальных событий, которые повлияли на мой профессиональный выбор.

Так, когда мне было 12 лет, умер Сталин, и все мы видели, какая была безграничная скорбь. Ведь его действительно любили. В день похорон мы с другом забрались на большое дерево в центре города и видели, как толпы людей, повторюсь, именно толпы, шли и плакали. Мы все-таки были еще маленькие и, можно сказать, несколько отстраненно относились к случившемуся. Однако вскоре усилились разговоры о репрессированных, о том, что не все люди попали в лагеря за конкретные дела, а многие из них пострадали за идею. И мы встречались и беседовали с этими людьми, но до нас доходили лишь какие-то отрывки и фрагменты социальной жизни.

Однако мне было очень важно разобраться, что же все-таки произошло на самом деле. У нас был круг своих ребят с 8-го по 10-й класс, среди которых мы активно обсуждали «витавшие в воздухе» проблемы. И тогда я решил сам разобраться в ситуации. И что я, как вы думаете, сделал? Обратился к восьмитомнику товарища Сталина, т.е. «взял быка за рога», и прочитал работу «Основы ленинизма». Замечу, особенностью Сталина как автора было то, что его работы были краткими, в них была изложена сама суть проблемы в понятной логике и доступной форме, с весьма убедительной аргументацией. Кстати, в отличие от В.И. Ленина, который писал всегда в полемическом стиле, и, чтобы его понимать, нужно было знать обстоятельства, ситуацию: кто был М., кто был А., почему Богданов ему не нравился и т.д. Кроме того, нужно было знать массу фактов из жизни ленинского окружения.

Сталин же сразу излагал суть проблемы. Мне стали интересны его мысли, и поэтому я прочитал все восемь томов. Вот так я приобщился к некоторым азам социальной теории, конечно, в ее догматическом виде.

Я жил тогда в городе Грозном. В то время Грозненская область — это прекрасное, спокойное, тихое и замечательное место. Я обратился в областную библиотеку и прочитал там все, что было из книг по истории социальной мысли (труды Спинозы и Локка, многих других мыслителей, фактически, — всех классиков социальной мысли, кто был переведен на русский язык). Все, что удалось мне прочитать, мною было законспектировано и осмыслено. И где-то годам к 15 я твердо решил, что обязательно буду социальным философом (надо отметить, что тогда еще не было профессии «социология», хотя и философия истории называлась историческим материализмом). И я решил, что философия, обращенная к социальным проблемам, это и есть моя жизнь и мой хлеб.

Вот так и зародилась мысль о будущей профессии. В то время я решил поступать в Ленинградский университет на философский факультет. Документы у меня приняли, но потом сказали: «Вы знаете, надо, чтобы у Вас был производственный стаж не менее двух лет». И порекомендовали поступать на любой другой факультет. Но я не стал этого делать, а решил вернуться в Грозный. Пошел на работу. В нашем Гудермесе стояла разведывательная геофизическая партия, куда я и пошел работать. Мы искали нефть, а я осваивал профессию взрывника.

Вот так я год отработал и снова решил поступать на философский факультет. Но на этот раз я обратился в Московский государственный университет. Получил пятерку по истории и даже понравился там преподавателю. Пришел сдавать английский язык и получил стопроцентную двойку. Приезжаю назад домой, а в это время создается Чечено-Ингушская автономная республика и выделяются места для национальных кадров во все престижные вузы. И хотя все места были уже распределены, но на факультеты иностранных языков желающих не нашлось. И, в общем, с грехом пополам я поступил в Пятигорский государственный педагогический институт иностранных языков. Сейчас я понимаю, что это мое большое счастье, ведь я попал в хорошие руки и к тому же получил добротное знание иностранного языка.

Но прошло время, и я перевелся из Пятигорского педагогического института в Одесский университет. Скажу откровенно, меня всегда тянуло в университет. По окончании второго курса мне удалось договориться в Москве о переводе с деканом экономического факультета, профессором Жаниным, который специализировался по экономике зарубежных стран. В то время это был престижный факультет, и я каким-то образом смог понравиться Жанину. Он заинтересовался мной (у меня были какие-то знания в общественной теории и знание двух языков) и предложил мне перевестись к нему. Я вернулся в Пятигорск, но меня сразу не отпустили. Сказали так: «Нечего тебе искать приключений, заканчивай факультет». И тогда я уехал на каникулы, а когда вернулся, то оказался в числе отчисленных. А в Москву дорога была уже закрыта. Ну я и решил, что пора мне попробовать себя там, где есть носители языка.

Так я оказался в Одесском университете. Там доучивал язык, параллельно занимаясь переводами.

После окончания Одесского университета я стал переводчиком обкома комсомола, где было много в те времена зарубежных деятелей, приехавших на работу по молодежной линии. Там был организован клуб интернациональной дружбы, который объединял студентов разных стран, представлявших около 60 землячеств. Я стал заместителем председателя этого клуба, и мне страшно нравилась эта работа, открывались перспективы международного сотрудничества.

После окончания вуза некоторых ребят послали в Египет. В то время там строили Асуанскую плотину. Туда отбирали специалистов с хорошим знанием языка, но только при условии, если они состоят в браке. Но я ради этого не стал жениться, так как был парнем принципиальным. Меня вызвали в кадры и предложили стать военным переводчиком. Я отказался и попал под разрядку учителей, направляемых в сельские школы, и был направлен в с. Навоз Днепропетровского района Черниговской области учителем английского языка в среднюю школу.

Мое село оказалось на берегу Днепра, как раз там, где сходятся Белоруссия, Украина и Россия. Оттуда меня призвали в армию. Год я служил в учебной дивизии водителем-механиком среднего танка. А второй год был сержантом, помощником офицера-воспитателя в Киевском суворовском училище. Это приравнивалось в то время к старшине роты в армии. Мне было страшно жалко ребят из Суворовского училища, которые учились в 5-м классе. Я отвечал за все. И был с ними от подъема до отбоя.

После окончания воинской службы я решил во что бы то ни стало остаться в Киеве и заняться социальной наукой. Поэтому стал обходить по очереди всех директоров академических институтов гуманитарного профиля с предложением, не нужен ли им такой молодой, красивый, знающий несколько языков специалист.

Были самые разные реакции. Меня очень хорошо встретил Иван Костивич Белогиктор, директор Института языкознания и вице-президент Украинской академии по общественным наукам. Следующим был академик Костюк, выдающийся деятель психологического движения в Украине, директор Института психологии. Но у каждого из них находились свои причины отказать мне.

Вот так я обошел несколько институтов, пока не попал в Институт философии. Директора на месте не было, и меня встретил замдиректора, который только что вернулся со стажировки в Канаде и США (он там был полгода) и понял, как важно быть обществоведом, в т.ч. знать иностранные языки. Он ничего не обещал, но попросил оставить мои координаты. Через некоторое время я захожу к нему, и он мне говорит: «Ты знаешь, у нас идет набор в аспирантуру. Попробуй поступить. Твоя, так сказать, судьба в твоих руках. Сдашь экзамен и выдержишь конкурс, будешь работать у нас». Мне запомнились его слова о том, что хорошей колбасы я тебе не обещаю (тогда это был эталон хорошей жизни), но научным работником со временем станешь.

Ну, значит, вот, приехал я домой после демобилизации, а нужно готовиться сразу к четырем экзаменам. Основное внимание я уделил философии. Прихожу я на экзамен в голубенькой рубашке с продольными полосками, сажусь за одну сторону длинного стола, а мои конкуренты стали садиться почему-то напротив, все как один в строгих костюмах, белых рубашках и галстуках. В общем, вся солидная экзаменационная комиссия сидит напротив меня, а я один пацан, и то в несерьезной рубашке. Несмотря на конкурс, мне удалось выдержать вступительные экзамены. Тогда не было еще специализации по социологии, но в отделе этики этим занимались. По сути дела, социология на Украине рождалась в отделе этики Института философии АН УССР. Поэтому я и поступил в этот отдел. Тема моей кандидатской диссертации была по социологии науки и называлась примерно «Нравственный аспект в научной деятельности». Вот так я стал научным сотрудником.

Учась в аспирантуре, я работал младшим научным сотрудником, с чем были связаны мои частые поездки в Москву и другие города СССР. К тому времени у меня появилась уже семья и надо было решать материальные проблемы. И здесь неожиданно открывается перспектива: меня приглашают на работу в Москву социологом-методистом в ЦК ВЛКСМ. И обещают в течение полугода выделить квартиру. Это и перевесило чашу весов.

Вот так я начал работу на новом поприще, постепенно расширяя сферу деятельности: создавал сектор информации, затем учебно-методический центр, которые стали заниматься изучением молодежных проблем на Украине. Для участия в проектах я, в частности, приглашал Галину Михайловну Андрееву – первого специалиста в Москве по методике и технике социологических исследований. Мы с ней записали, а затем и издали целый учебный курс. Затем я работал у нее на кафедре, сначала на кафедре методики и техники социологических исследований, а потом – на кафедре социальной психологии, где читал психологию массовых движений. Меня заметили и пригласили работать в ВКШ (Высшей комсомольской школе), где создавалась социологическая лаборатория.

Ю.М.: Да, пожалуй, география Вашей карьеры впечатляет, хотя она достаточно типична для 1970-х гг.

География такова: Грозный, Пятигорск, Одесса, Киев, Москва. В каком-то смысле это не случайно. Дело в том, что тогда в стране жизнь была более динамичной и

мобильной, чем сейчас. Тогда считалась нормой, что люди двигаются, перемещаются из одного города в другой. Кстати, мобильность — это важное качество продвижения общества вперед. А кто теорию мобильности создал? Питирим Александрович Сорокин, который доказал, что чем мобильнее общество, тем оно быстрее и динамичнее развивается.

Этот показатель мобильности сохраняется сегодня в Соединенных Штатах. Там, например, нельзя сделать карьеру, научную в том числе, в одном университете. Нет ни одного ученого в Соединенных Штатах, который бы вырос на одном месте. Там принцип таков: если ты хочешь расти, то должен пройти сеть университетов. Ты должен знать разные школы и разные подходы. И твоя жизнеспособность как ученого напрямую зависит от того, насколько ты адаптируешься и сможешь выжить в разных научных средах.

Так что я считаю, что мне здорово повезло. В числе этих городов не указан еще и Ташкент, где мои родители работали строителями в нефтяной и газовой промышленности. Отец мой создавал всю сеть магистральных газопроводов в Средней Азии и Казахстане. Мне очень нравилось с ним ездить, а это тоже огромная школа жизни. Все эти великие стройки страны делались на моих глазах. Там работали прекрасные люди, и с ними у меня складывались особенные отношения. Все-таки это была великая эпоха строительства и созидания.

Ю.М.: Владимир Павлович! Зная языки и занимая активную общественную позицию, Вы были находкой для органов госбезопасности. Тогда многих выпускников языковых вузов вербовали на работу в КГБ. Как Вам удалось избежать этой участи?

В.П.: Впервые я попал в досье как свидетель по делу в 1958 или 1959 году. Меня вызвали в пятое управление КГБ. Знаете, что такое пятое управление? Управление, которое занималось борьбой с антисоветской пропагандой. За что? Я вам рассказывал, что у нас был круг друзей, с которыми мы обсуждали разные проблемы и искали свои решения, в т.ч. и то, что лучше для страны и как сделать так, чтобы она развивалась. Писали свои детские документы и юношеские катехизисы, обсуждали то, что нам нравится и не нравится, что нужно и не нужно.

Я не помню, после чего меня вызвали, но это случилось, когда я учился в Пятигорске. Один мой лучший друг был возмущен какими-то событиями в СССР. Он в знак протеста порвал свой комсомольский билет и одну половинку билета с критической надписью послал мне. Так я попал на допрос. Правда, время было тогда другое, и многие уже понимали, что с пацанов брать нечего. Он тогда учился в МГУ, а я учился в Пятигорске. Я ничего не скрывал, но время было уже другое. В органы пришли нормальные ребята, которые все понимали и спустили на тормозах. И все же у меня была некая настороженность в отношении к этому ведомству. Поэтому, когда мне предложили по окончании университета надеть погоны, я сказал: «Нет, ребята, я свою судьбу буду сам определять».

Потом у меня была еще одна ситуация с этим ведомством. Я заканчивал аспирантуру и стал изучать японский язык. Когда меня принимали в партию, на партсобрании встал один товарищ, старший научный сотрудник, который был связан с этой организацией, и сказал: «Давайте запишем в решение собрания, что он разбирается, начал изучать японский язык, а ему надо сосредоточиться на диссертации». Я подчинился решению парторганизации и за два года написал диссертацию. Но как только я представил ее к защите, меня вызвали в Высшую школу КГБ Укра-

ины на собеседование. Со мной разговаривал один генерал, который обрисовал интересные перспективы. А я говорю, что все понимаю, что это нужное для страны дело и я готов сотрудничать, но только как преподаватель и ученый, но я нужен был им на оперативную работу, поэтому от меня постепенно отстали.

Должен сказать, что в КГБ разные люди имеются — как подонки, так и блестящие, кристально честные люди. Со многими из них я был лично знаком. Как и все наше общество, эту организацию нельзя окрашивать одним цветом. Я действительно уважаю многих людей из органов госбезопасности, с которыми мне удалось познакомиться лично, за их профессионализм и порядочность.

Ю.М.: Владимир Павлович! Чего греха таить, Вы были работником идеологического фронта, занимавшим высокий пост, что не могло не сказаться на Вашем моральном облике. В то время утвердилась двойная мораль среди многих государственных и партийных деятелей. Какое влияние лично на Вас оказала работа в партийных и комсомольских органах?

В.П.: Вы правы, там уже активно шло социальное и нравственное расслоение. Все это происходило на моих глазах. Когда я работал в комсомоле и в ЦК партии, то оказался поневоле в гуще трагических событий. Я считаю трагедией для нашего общества распад СССР и резкое прекращение деятельности партии. В ее рядах было очень много чистых, порядочных и честных людей. К сожалению, я был свидетелем того, как в 1970-е гг. честные люди вынуждены были уходить в сторону, а угодники и подхалимы пробивались и делали карьеру. И трагедией для нашего общества я считаю маразм Брежнева, который допустила партийная верхушка, чтобы скрывать свои неблагоприятные дела. Они не отвечали за то, что они делали, прикрывались именем генсека. Все наши беды и трагедии появились тогда, когда под вывеской партийных решений нечистые на руку люди прикрывали свои шкурные интересы.

Чего не хватало прежней системе? Ей не хватало обратной связи и контроля за властью. Когда власть сконцентрирована в руках небольшой кучки людей, всегда появляется шанс использовать ее не по прямому назначению. И, к сожалению, слой подонков среди высшего руководства продолжал расти. Я был свидетелем того, как людей подкупали всякими подачками, бытовыми мелочами, вплоть до праздничных заказов. Но, конечно, все эти мелкие привилегии в виде дефицитной икры или домов отдыха, несравнимы с теми безобразиями и злоупотреблениями, которые делаются сегодня.

Пожалуй, у меня сложилось к советскому прошлому двойственное отношение. Во-первых, это, конечно, была для меня огромная школа социального опыта. Во-вторых, я укрепился в убеждении, что не социалистические идеи и не принципы социализма виноваты, а виной всему является недостаточно отлаженные механизмы обратной связи и обуздания власти.

Объективно сложилось так, что для выживания страны нужна была суперконцентрация, что упрощало решение каких-то важных задач. Но когда форс-мажор закончился, Н. Хрущев сделал доброе дело. Он гуманизировал общество, вернул какие-то национальные ценности. Но он не выполнил второго условия, не ввел механизмы контроля снизу за властью, и это, к сожалению, привело к реставрации прежнего режима, хотя, к счастью, не такого кровавого, как при Сталине.

Возможно, это наш непосильный и вечный крест. Мы каждый раз наталкиваемся на одни и те же грабли. Ведь никакая другая цивилизация не знала таких самоотвер-

женных, умных, интеллектуальных и добрых людей, которых породила советская эпоха. Конечно, были и подонки, которые с помощью лести и других средств продвигались по карьерной лестнице. Но все же они были исключением из правила. Думаю, что еще не скоро наша страна обретет такую духовно-нравственную атмосферу в обществе, которая сложилась на рубеже 1960-1970-х гг. К сожалению, наша перестройка, подарившая нам на время гласность, выдохлась в политическом и духовном смысле, так как не смогла выработать механизмы контроля над властью. Мы опять повторяем опыт недавнего прошлого.

О профессии не спорят. Ее выбирают

Ю.М.: Спасибо. Вопросов в нашем списке еще много. Давайте продолжим. Что в первую очередь из Вашего жизненного опыта повлияло на Ваш выбор профессии ученого?

В.П.: Думаю, что мне многое дала моя рабочая и армейская закалка.

Я начал свой трудовой путь учеником токаря 2-го разряда. Поначалу работал взрывником. Надо сказать, что рабочая закалка дала мне действительно очень много. Во-первых, у рабочих мораль была тогда другая. У них была своя трудовая этика, которая, к сожалению, сейчас ушла. Да и не только у нас. На последнем конгрессе этим летом в Тель-Авиве выступал Мишель Нюёрко, крупнейший французский социолог, который близок к старшему поколению (Турен, Бурдьё и др.). Он подчеркнул, что одной из самых острых социальных проблем для Запада является утрата трудовой этики. Нам вопрос надо ставить, на мой взгляд, шире: вообще останется ли у нас труд главной ценностью общества? Когда-то он был делом чести и доблести.

В наше время человек начинал с самого «низа», так сказать, «от сохи», и делал неплохую карьеру. Я знаю многих людей в Московском университете, которые прошли весь путь от рабочего до ученого и гордятся этим. Я думаю, что самым симпатичным ректором Московского университета был академик Петров, который дольше всех, по-моему, лет 20, возглавлял университет. Как известно, он прошел все ступеньки трудовой карьеры: рабочий, лаборант, ассистент, пока не стал академиком. Я считаю, что это — нормальный путь для человека, работающего в науке.

Для становления моего характера мне многое дала и армия. Тогда еще дедовщины не было, хотя в учебных дивизиях, особенно на Украине, конечно, свирепствовали сержанты. Ну, вообще, это была форма закаливания, которая укрепила мой характер и выработала определенное отношение к жизни. Я научился стоять за себя.

Ю.М.: Следующий вопрос. Владимир Павлович! Вы имели возможности по своим задаткам выбрать любую профессию: стать журналистом, профессиональным переводчиком, партийным работником. Почему все-таки Вы стали социологом?

В.П.: Да, действительно, у меня были разные варианты. Скажем, на одном из этапов моей работы пойти работать в Комитет молодежных организаций СССР. Это — организация, которая обеспечивала внешние связи по молодежной линии со всем миром. Я, например, горжусь тем, что был первым человеком, которого пригласили на официальную встречу с Маргарет Тэтчер в качестве главы советской делегации. Тогда Маргарет Тэтчер еще была в оппозиции и не пришла к власти. Я также горжусь тем, что был в составе первой молодежной делегации, которая устанавливала контакты с социалистической партией Франции. Все это делалось тогда через молодежные каналы.

Надо отметить, что в то время был сделан огромный задел, который при умелом использовании сейчас мог бы дать возможность чувствовать себя на равных в европейской и мировой системе и занимать в ней достойное место. Просто потом все эти заделы сдали. Вот недавно выступал наш министр иностранных дел и рассказывал о дикости, которая происходила во время переговоров госсекретаря США с Горбачевым и Шеварднадзе. Тот им говорил: «Я вам даю гарантии, что НАТО не будет продвигаться на Восток» (в то время американское руководство было готово учитывать наши интересы). А эти подонки, извиняюсь за выражение, сдали все наши национальные интересы с потрохами, причем за кусок колбасы или престижные встречи с Папой Римским.

А ведь была подготовлена серьезная политическая база. Были вышколенные кадры, которые установили серьезные и широкие связи с партнерами. И я горжусь тем, что участвовал в расширении горизонта международных связей страны. Значит, возможности у меня были. Ведь я исследователь по своей натуре, и мне очень важно было знать, что происходит в мире, и понимать процессы, происходящие внутри страны.

Ну я не знаю, наверное, я слишком увлекся рассказом о себе.

Ю.М.: Ну что Вы! Мы должны дослушать Вас до конца. Нам интересно, например, то, как Вы стали преподавать социологию.

В.П.: Моя дальнейшая карьера после окончания аспирантуры была связана с преподаванием социальных наук и переводом с английского. Я горжусь тем, что впервые зашел в качестве преподавателя в учебную аудиторию, когда мне было только 18 лет. Когда я поступил в пединститут, то у меня уже была практика работы с молодыми людьми. Вспоминаю один забавный эпизод, когда я проходил педагогическую практику в глухом селе Одесской области. Как-то я рассказывал ребятам о том, что в Египте строят Ассуанскую плотину и что все это замечательно. Вдруг поднимает руку один мальчик и спрашивает меня: «А для чего нам нужен этот английский, если мы и русский не знаем как следует?» Тогда я еще был молодой и пытался находить адекватный ответ. Я ему отвечаю: «Придут, к примеру, к вам друзья, и они будут разговаривать по-английски, а ваши родители ничего не поймут». Вот на этом я их купил. И через месяц у меня весь урок шел только на английском языке, ни слова по-русски. Это мои ученики воспринимали как игру.

Еще в аспирантуре я стал заниматься социологией. Одним из первых моих выступлений был доклад по Питириму Александровичу Сорокину, который я сделал на международном симпозиуме по науковедению в 1966 г. Эта была рукопись в 6-7 страничек по теме «Критика социологии знания Питирима Сорокина». Причем моя главная цель состояла в том, чтобы ввести в обиход отечественной науки идеи Питирима Александровича.

Так я увлекся преподаванием и, уже будучи в Москве, стал работать в самых престижных заведениях. В Академии общественных наук при ЦК КПСС я читал курс «История социологии» совместно с академиком Г.В. Осиповым: 80% читал я, 10% – академик Осипов, а 10% – нынешний или недавний министр иностранных дел Белоруссии Антонович.

В то время был такой Институт общественных наук при ЦК КПСС, где учились лидеры коммунистических партий и национально-освободительных движений, среди которых были и мои ученики. Я там читал социальную психологию и теорию пропаганды. Я как-то подсчитал, что у меня студенты были из 89 стран мира.

В Высшей комсомольской школе, которая была переименована потом в Институт молодежи, я читал и социологию, и психологию. Я лично учил студентов из многих стран, в т.ч. министров.

О социологии как науке

Ю.М.: Пора сделать перерыв, Владимир Павлович. Вы ответили на все вопросы, касающиеся вашей деятельности и карьеры. Остались вопросы, посвященные теме «Социология и общество», и некоторые другие.

В.П. (после перерыва): Я хотел бы ответить на этот вопрос не только в контексте отечественной социологии, но и мировой, потому что я считаю эту науку единой. И в этом плане, прежде всего, я хотел бы сказать, как мне видится сегодня состояние мировой социологии. Должен отметить, что она очень дифференцирована и расплывчата. И вот если говорить о том, что она может дать обществу, то я бы разделил свой ответ на три части.

Во-первых, есть действительно одна, может быть, небольшая по объему, но большая по капиталовложениям — сильная *социально-инженерная наука*, которая сегодня очень многое может и решает. Примерно до 1965 г. на Западе был поток интереснейших публикаций на английском, французском, немецком языках по механизмам, динамике и возможностям управления социальными и психологическими процессами. В 1965 г. в исследованиях такого рода наступила тишина. Это видно было по журналам и по проблематике исследований. Что же произошло на самом деле?

Когда я приехал в США в начале 1970-х гг., то стал разбираться в причинах такого молчания. Оказалось, произошел перелом, и они вышли на реальные механизмы управления такими процессами, предпочитая держать свои технологии в секрете. Там существует масса засекреченных вещей. Я с большим удивлением узнал, как финансируется социологический факультет американского университета. Оказывается, 70% всех средств поступает за счет выполнения исследовательских заказов от таких ведомств, как военно-воздушные силы, военно-морской флот, министерство обороны, ЦРУ и т.д. Исследуются, казалось бы, невинные вещи, скажем, такие, как профсоюзные движения в Гватемале, общественное мнение домохозяек в Чили. Но все это бьет в одну точку: получить сведения о том, как управлять процессами, стратами, или слоями в нужном направлении, как повернуть общественное мнение и направить поведение людей в интересах политического руководства страны.

И здесь для меня остается парадоксом следующее обстоятельство: вот если взять Федеративную Республику Германии, то по многим социальным показателям ГДР была выше, хотя в ФРГ была выше зарплата, доходы населения, но при этом самая лучшая обеспеченность жильем в мире была именно в ГДР, где на семью приходилось 140 квадратным метров площади. То же самое происходило с системой образования, ведь многие западные немцы получали высшее образование в ГДР, а затем возвращались в ФРГ. Нечто похожее было и с пенсионерами. Очень многие пенсионеры к старости, зная, что в ГДР бесплатное медицинское обслуживание и какие-то льготы, гарантированные государством, переезжали в ГДР.

И вот при всех огромных преимуществах вдруг создалось такое впечатление, что слом социалистической системы стал событием историческим. Сегодня многие уже за голову хватаются, в т.ч. бывшие гэдээровские деятели. И задают себе вопрос: «А зачем мы всего этого лишились? Почему?» Эта работа связана с геополитикой, в

частности, с учетом потенциала науки, ученых, в том числе антропологов, психологов, социологов, которые были задействованы в этот проект идеологического поглощения и выработку соответствующих установок населения. Это все серьезно делалось, профессионально.

Я вам рассказывал пример с Лассуэллом? Нет. Был такой выдающийся психолог, социолог, автор книги «Психопатология и политика». Он изучал проблемы личности, прежде всего, личности политического деятеля. И по заданию ЦРУ, тогда оно называлась ОСС (Организация стратегических услуг) создал в 1943 г. политический портрет Гитлера, а в 1944 г. – политический портрет Сталина. Сегодня это считается классикой. И вот в 1974 г., т.е. спустя 30 лет, я в очень доверительной беседе с деканом социологического факультета Трансильванского университета говорю: «Слушай, Бурка, вот у Вас есть такие классические работы, а я их и в Колумбийском университете не нашел, и в вашем университете тоже не нашел, даже в Библиотеке Конгресса их нет. Почему? Что же это за классика, если нигде нет этих работ?» Он меня спрашивает: «Хочешь посмотреть?» Отвечаю: «Хочу». Бурка берет ключи от сейфа, открывает его и вытаскивает оттуда две книги. Одна чуть меньше, другая – чуть побольше трехсот страниц. На каждой из них стоит гриф – «Совершенно секретно».

Почему через 30 лет политические портреты Гитлера и Сталина держатся в секрете? Да потому, что там подробно расписаны особенности и структура мотивации, страхи, фобии и предрассудки и т.д., манипулируя которыми можно заставить человека действовать определенным образом. Эти технологии применяются и сегодня, в т.ч. к Горбачеву, и к Ельцину. Вот поэтому такая «классика» редко используется в учебно-исследовательских целях и 75% финансов приходит в университеты от выполнения социологических заказов от определенных ведомств. Вот это одна часть социологии.

Во-вторых, есть еще серьезная *академическая наука*, которая связана с преподаванием, подготовкой кадров для поддержания и воспроизводства научной среды. Сегодня академические ученые, может быть, не дают ничего практичного, но они создают тонкий контекст и что-нибудь когда-нибудь из этого обязательно вырастет. Так, Тор Сталь де Блен, норвежец по национальности и гражданин Франции, который прославился в США, когда написал работу «Серия ближе к классу. Теория класса, имеющего свободное время». В ней он доказывает следующее: чтобы общество продвигалось вперед, ему какие-то неожиданные открытия и достижения. Надо, чтобы был определенный слой людей, имеющих свободное время и ни о чем не заботящихся, которые занимались бы в игровой форме тем, что со временем может породить какие-то интересные вещи. Так, к примеру, родилась античная цивилизация, когда благодаря рабам смогла обеспечить условия для появления философии, искусства и других достижений культуры. Наверное, именно поэтому важно иметь такой слой людей в науке, которые ничем практически не занимаются, но то, чем они вообще занимаются, дает пищу другим умам, делающим практические открытия.

В-третьих, у нас (в России) имеются серьезные наработки и продвижения в социологической науке в ряде конкретных областей. Кстати, в советский период социоинженерные разработки велись на предприятиях оборонного комплекса также в закрытом режиме. Но большинство исследований имеет сегодня открытый доступ. Вот, скажем, сегодня признаются мировыми учеными исследования в этносоциологии. Имеются также интересные наработки в социологии молодежи. Так, моего дру-

га Владимира Ильича Чупрова, который является руководителем центра социологии молодежи в Академии наук, постоянно приглашают участвовать в совместных публикациях англичане и американцы. Неплохо развиваются у нас электоральная социология, социальные аспекты маркетинга.

Одним словом, какие-то отдельные разработки у нас есть. Но чего у нас не хватает и чего я жду от вас, будущих социологов? Какую важную интеллектуальную задачу необходимо решить, чтобы поднять научный авторитет России? Ведь у нас сейчас происходит уникальное историческое событие в стране, когда мы оказываемся «полигоном». И вот те процессы, которые идут у нас, не случайны, поскольку в них заложены сценарии будущего всего человечества, модели потенциального развития всего мира. Нам сегодня не хватает теоретических обобщений на уровне всего общества, в т.ч. знания о том, что же происходит, какие задействованы силы, каково их соотношение. Всего этого не хватает для создания социальной теории, в т.ч. моделей социальных динамики, социальных изменений в современной России.

Что мне не нравится в сегодняшней прессе? У нас была советская пресса, которую все ругали, — за то, что она идеологически ангажирована и тенденциозна. Но, кроме идеологической направленности, в чем еще выражалась эта тенденциозность — в фигуре умолчания, когда какие-то вещи просто-напросто замалчивались? Но тогда не было такой откровенной и наглой лжи, которую обрушивают на наши головы современные СМИ. Сегодня пресса вообще стала совершенно дикой. Поэтому, честно вам скажу, ни одной отечественной общественно-политической газеты я не выписываю, а предпочитаю получать научные журналы из Англии, Голландии, Соединенных Штатов. Читать нашу прессу без содрогания нельзя, потому что кроме откровенной лжи нас еще постоянно зомбируют суррогатами потребления и мифами о том, как опасно и тревожно жить в современном мире.

Хотелось бы увидеть исследователей, которые смогли бы в условиях манипуляторского давления предложить строгие аналитические схемы и увязать наши процессы с мировыми. А этого от нас ждут в особенности представители так называемого «третьего мира». И все, кроме нас, страшно удивлены тому, что мы этого не делаем. Ну как это так могло произойти, чтобы в один прекрасный момент на политической карте мира не стало Советского Союза?! Я уже не говорю о том, что мы сами добровольно посыпали голову пеплом, унижали себя и размазывали в грязи.

Пора нам всем преодолеть опыт самоуничужения, надо идти дальше, а не топтаться на месте. Я считаю, что наше нынешнее и старшее поколения заигрались в эти мелкие игры в борьбе за внешние атрибуты свободы, независимости и собственной значимости. Они еще готовят место для новых орденов за какие-то непонятные заслуги, а у них уже весь порох вышел (это моя личная оценка), хотя сейчас, казалось бы, имеются реальные условия для того, чтобы смело и глубоко анализировать социальные процессы. Но серьезных аналитических работ как не было пять лет назад, так и не появилось. Почему? Потому что весь порох растрочен на стрельбу по воробьям, дележку постов и поиск удобного места под солнцем. И вот все места распределены, а «воз и ныне там». Кто же будет поднимать науку? А она, как известно, не терпит комфортного состояния и не вознаграждает тех, кто давно разучился работать и мыслить самостоятельно.

Вот и пишу сейчас многие ученые старшего поколения мемуары, в которых они заявляют: «Ах, какие мы были смелые, кому-то там на хвост наступили»... Это

все было и сплыло. И все это, по большому счету, ребята, мелочи. Это все к науке не имеет никакого отношения. Это возня на обочине дороги, которая ведет к Истине. Основное наше дело как ученых помимо того, чтобы быть крепкими и профессиональными специалистами в конкретной, в т.ч. прикладной, области, совершать открытия и вырабатывать сценарии общественного развития. Я очень надеюсь на то, что среди вашего поколения, дорогие студенты, найдутся и теоретики, и аналитики. В прежние времена их было очень много, но немногие из них были по-настоящему таковыми.

Нельзя же вечно эксплуатировать фигуры Сорокина, Ковалевского, Богданова-Малиновского. Но мы, к сожалению, даже о них мало что знаем. И давно пора задуматься над тем, почему мы, как народ, нация, склонные по своей генетической природе к обобщению, теоретизированию, предпочитаем использовать свои способности в кухонных беседах, в промежутках между разговорами о том, кто и сколько получает, и о том, кто и каких рябчиков ест. Хорошо бы эти способности направить на понимание глубинных процессов современности. Вот этого я от вас и наших коллег жду. И, возможно, наступит день, когда на международных социологических конгрессах кто-то из вас скажет свое веское слово.

Окончание следует...